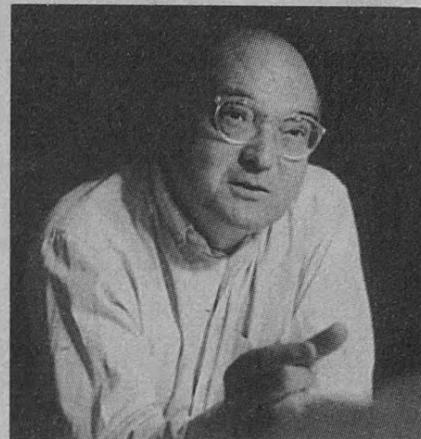

“Россия очень многое значила для Глена”

Бруно Монсенжон — Газете

Впервые на русском языке вышла книга известного телережиссера, писателя и музыканта Бруно Монсенжона о легендарном канадском пианисте Глене Гульде. Фильмы Монсенжона, посвященные творчеству Менухина, Ойстраха, Фишера-Дискау, Гульда, и, конечно, его шокирующий и обжигающе открытый «Рихтер непокоренный» уже стали классикой жанра. Книга «Глен Гульд: Нет, я не эксцентрик» также обещает стать бестселлером в России. С Бруно Монсенжоном беседовал корреспондент Газеты Илья Кухаренко.

Бруно Монсенжон: «Глен наверняка узнал бы себя в моей книге»

Когда в последний раз вы были в России по поводу выхода рихтеровских дневников, что вас больше всего удивило в реакции на эту книгу?

Наверное, то, что на пресс-конференции на меня все стали как-то нападать — мол, как я, какой-то иностранец, мог посягнуть на «их» Рихтера. А ведь это не было моей идеей. Конечно, он меня знал, и довольно давно, но это было шалочное знакомство. Но именно он захотел передать мне дневники. Как это все происходило, я подробно описал в книге.

Кроме фильмов о Рихтере и Ойстрахе, я регулярно вижу вашу фамилию в титрах французского музыкального телеканала Mezzo. И почти всегда это касается записей русских музыкантов — Гилельса, Рождественского, Нейгауза. Откуда такая страсть к русской культуре?

Я думаю, все началось из-за Ойстраха. Вы знаете, я же изначально скрипач. Мне было лет девять, может быть, десять, когда я впервые услышал Ойстраха живьем, в Париже. Его игра настолько меня поразила — это был один из самых ярких моментов в моей жизни. Конечно, я восхищался Менухиным, но Ойстрах... было видно, что это не только великий скрипач. Он выглядел таким человеческим. И в моем детском сознании родилась вполне четкая мысль: «Я должен иметь контакты с такими людьми, я должен понимать их язык». И я сразу решил, что я должен выучить русский.

И когда вы начали учить русский?

Когда мне было двенадцать. В те времена делать это было очень сложно: не было почти никаких контактов с Россией, и русский язык был своего рода мертвым языком, как латынь или греческий. Спустя некоторое время, уже во время первого визита в Россию в 1966 году, у меня завязались очень теплые отношения с замечательной пианисткой Викторией Постниковой — она стала моим первым настоящим другом из Советского Союза. В те времена для меня было загадкой, как они живут в таких условиях, как они остаются людьми. Впрочем, может быть, именно давление коммунизма, заставляло их быть людьми? Кто знает...

Если взглянуть внимательно на список музыкантов, о которых ваши фильмы, — это либо ушедшие на покой, как Фишер-Дискау, либо те, кто ушел из этого мира, — Менухин, Рихтер, Гульд. Современное исполнительское искусство сходит на нет, по-вашему?

Я и вправду так думал какое-то время назад. Но вы не правы вот в чем: я начал снимать фильмы о сопрано Юлии Вареди, скрипаче Жиле Апапе. Еще была серия, которая называлась «Опус один», там были фильмы о Мюрее Перайя, Майкле Тилсоне Томасе, Владимире Спивакове — все они сейчас уже знаменитости, но снимал-то я двадцать пять лет назад, когда они только начинали. А сейчас я буду делать фильм, правда довольно скромный по бюджету, о совершенно неизвестном, но потрясающем скрипаче — он тоже русский, то есть украинец, Валерий Соколов из Харькова. Когда я его услышал, я был ошарашен. Мне казалось, что на моем веку уже никогда не доведется услышать музыканта такого масштаба. Мне казалось, что век скрипачей для меня закончен...

По-моему, и у пианистов тоже. Что никого, сравнимого с Рихтером или Гульдом, не слышно...

Сейчас есть колоссальный пианист Петр Андреевич — не только замечательный пианист, но и сама человеческая и художественная совесть. Но вы правы: второго такого, как Гульд, не было и еще долго не будет — он исключение из всех правил. Гений. Но в то же самое время он всегда любил повторять: не надо сравнивать...

Легко так говорить, когда тебя зовут Глен Гульд.

Пожалуй (смеется).

Ваша книга о нем тоже может вызвать бурную реакцию в России: Гульд здесь герой, быть может, даже более легендарный, нежели Рихтер. Забавно, что пиратские записи Гульда на Горбушке появились раньше рихтеровских...

Россия тоже очень многое значила для Глена. Я думаю, эта наша общая любовь к русской культуре во многом сделала наши отношения такими теплыми.

Я познакомился с Гульдом в Москве. Это было в 1966 году. Причем Гульда в этот момент в Москве не было. Я просто купил его пластинку с баховскими Гольдберг-вариациями, среди многих других. И когда я через несколько часов ее послушал, это было как религиозное открытие. С тех пор я стал собирать его пластинки — это было довольно трудным делом. Их практически не продавали в Европе — ни в Англии, ни тем более во Франции. Он как будто исчез. Я не знал, что он пишет, что он думает, — ничего. Знал только, что это очень странная фигура. К тому времени я был приглашен как скрипач в один телевизионный проект для записи всевозможных скрипичных концертов и сонат. Целый год я провел в студии, наблюдая, как они работали (кстати, довольно плохо по моим нынешним понятиям). После этого опыта я задумался о том, что я мог бы себя попробовать на этой ниве. И тогда в 1971 году я отправил Глену письмо с некоторыми идеями, которые у меня возникли по поводу возможного фильма. Прошло четыре или пять месяцев полной тишины с его стороны, а потом я получил от него ответ... на двадцати пяти страницах, где он детально обсуждал все мои предложения, которые его заинтересовали. В этом был он весь.

Я прилетел к нему в Торонто — мне тогда было всего двадцать семь, и, конечно, эта поездка стала для меня поворотным пунктом. Гульд тогда уже практически не играл концертов, размышляя только об интерпретации. Все, что он делал и говорил о студийных записях, совпадало с моими собственными мыслями. Но только через два года мне удалось уговорить французское телевидение на производство фильма. Меня тогда еще никто не знал, да еще я предлагал совершенно неизвестную для французских фигур. В течение года я сделал монтаж этого фильма, и дальше случилась очень странная история, которую вы, наверное, знаете, — про премьеру этого фильма.

Нет, конечно...

Тогда во Франции невозможно было купить ни одной пластинки Гульда. Я позвонил в CBS — на фирму, где его записывали, — и возмутился. На что мне ответили, что продавать Гульда здесь страшно невыгодно, он никогда не играл в Париже, а сейчас вообще дурака валяет. Тогда я их пригласил на просмотр черновой версии монтажа, и тут они вообще пришли в ужас — по их мнению, это было чудовищно. Но американское начальство по моей просьбе так заставило французов привезти небольшую партию пластинок.

Тридцатого ноября 1974 года первый эпизод фильма должен был быть показан на первом канале французского телевидения. Тогда каналов было всего три. Но как раз в этот день телевизионщики объявили забастовку. Но даже в этом случае был специальный закон «О минимальной программе», по которому экраны даже в день забастовки не могли оставаться черными, — все каналы показывали одну и ту же программу, причем все прямые эфиры были исключены и выбор пал как раз на мой фильм о Гульде. Так что все, кто хотел посмотреть в тот вечер телевизор, вся Франция, смотрели эту программу. Либо Гульд, либо ничего.

Глен стал знаменитостью во Франции за одну ночь, но при этом сам он там даже не появился. Все произошло ровно так, как он мечтал, говоря о преимуществах записей перед живыми выступлениями. Ну и мое имя сразу приобрело некий вес.

Как родился эта книга?

После шумного успеха первых фильмов мы стали делать серию о Бахе, которую намечено было продолжить. И тут Глен умер... Вы не можете представить, что это было для меня... Не могу даже сказать, что был огорчен. Просто моя жизнь раскололась на две части — с Гульдом и потом. Я решил, что хочу посвятить много времени тому, чтобы собрать все его статьи, разрозненные по всевозможной периодике интервью. Работал как сумасшедший. Без всякой поддержки, без продюсера, гонораров и так далее. Просто ради памяти об этом человеке. Книга «Нет, я не эксцентрик» третья по счету. Первые две содержат исключительно слова и статьи самого Гульда, которые я смонтировал снова, частично ис-

пользуя тот материал, который не вошел в окончательный вариант. Мы ведь общались каждый день либо в Торонто, когда я приезжал на съемки, либо по телефону. И Глен дарил мне много эскизов своих текстов.

После публикации этих двух книг я решил сделать что-то оригинальное, то, что написал бы сам. Сначала я написал эту так называемую конференцию, которую, конечно, вообразил, но все-таки это слова самого Гульда. Потом добавил туда несколько интервью, и так постепенно выстроилась структура книги. Это своего рода смесь из моих слов и его. Я думаю, что себя он узнал бы прекрасно.

Почему в России вы начали именно с третьей книги?

Потому что авторство, а соответственно и права здесь принадлежат только мне и это было проще сделать. Но сейчас во Франции только-только вышла четвертая книга, и скоро должен появиться мой новый фильм о Гульде. И я страшно волнуюсь и очень радуюсь тому, что русский читатель наконец сможет познакомиться с тем, как и о чем говорил и думал Глен Гульд.

газета

переигравший Баха

Глен Гульд родился 25 сентября 1932 года в Торонто. Семья его была не просто музыкальной — в его жилах текла кровь самого Грига. В шесть лет он уже давал концерты, а к двенадцати получил широкую известность как пианист. В середине 50-х его записи клавирных произведений Баха, которые и концертными-то не считались, произвели настоящий шок. Однако после недолгого периода гастролей по всему миру, в том числе и в СССР, Гульд прекратил концертную деятельность и на всю оставшуюся жизнь запер себя в студии звукозаписи. Его слава от этого затворничества ничуть не убавилась, скорее наоборот. И как бы ни относились современные пианисты к баховским интерпретациям Гульда, без них, возможно, Баха вообще сейчас бы не играли. Глен Гульд умер от внезапного сердечного приступа 4 октября 1982 года.

газета

ему доверился Рихтер

Бруно Монсенжон (р. 1944) — известный французский скрипач и телевизионный режиссер, который, продолжая успешно выступать, прославился рядом блестящих фильмов о великих музыкантах XX века. Среди наиболее частых его героев были скрипач Иегуди Менухин и пианист Глен Гульд, с которыми Монсенжон связывали длительные творческие отношения. В списке его классических лент — портреты Нади Буланже, Дитриха Фишера-Дискау, Гидона Кремера, Виктории Постниковой и Геннадия Рождественского. Русскому зрителю Монсенжон известен по двум знаковым для его карьеры фильмам — «Ойстрах: Народный артист?» и «Рихтер непокоренный» (Richter. The Enigma), посвященный двум колоссам отечественной музыкальной культуры. Святослав Рихтер, обычно скупой на публичные высказывания, кроме того что согласился сниматься, именно Монсенжону доверил свои дневники и музыкальные заметки, публикация которых в России вызвала целую бурю самых разноплановых откликов.

Маленький Глен за роялем — со своим учителем Альберто Гуэрро. Середина 30-х

Гульд в самом начале своей головокружительной карьеры. Середина 40-х

Глен Гульд на фоне себя. Конец 70-х